

ЗУБКОВА Л. Г.

**СООТНОШЕНИЕ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧАЩИМИ
В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

**(Ономасиологический и семасиологический подходы
в фонологии)**

1.1 Более ста лет назад И. А. Бодуэн де Куртене поставил вопрос: «в какой степени и с какой стороны даже данные фонетики годятся для морфологической классификации» [1, с. 103]. Признавая «одинаковость частных фонетических законов и процессов при совершенно различном морфологическом строе» (там же), Бодуэн вместе с тем считал, что «...морфологические сопоставления составляют исходную точку для сопоставлений фонетических» [2, с. 118], и выводил фонетические различия из морфологических. С особенностями морфологической структуры слова он связывал, в частности, расхождения в его суперсегментной организации и разное направление звуковых влияний и изменений в ариоевропейских и туранских языках [1, с. 103—104].

С течением времени представления о связи фонетического строя языка с морфологическим существенно расширились. В современной лингвистике соотносительность с основными морфологическими типами языков усматривается не только в звуковой форме значащих единиц, в частности в средствах суперсегментной организации слова, но и в слогаделении и структуре слога (Е. Д. Поливанов, А. А. Драгунов и Е. Н. Драгунова, М. В. Гордина, Ю. В. Рождественский, В. Б. Касевич и др.), в составе фонем и дифференциальных признаков (Г. П. Мельников, Й. Вахек) и, наконец, в самом типе фонологических (Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, М. В. Гордина, В. Б. Касевич, Нгуен Куанг Хонг и др.) или морфофонологических единиц (А. А. Драгунов).

1.2. В качестве определяющего начала по отношению к фонологическим единицам справедливо признаются значащие, двусторонние единицы языка, в первую очередь морфемы, с которыми звуковые единицы связаны непосредственными конститутивными отношениями. Фонологическая сегментация считается производной от морфологической. И с этим тоже нельзя не согласиться, ибо в языке как единстве формы и содержания ведущая роль принадлежит содержательной стороне. Сомнения появляются тогда, когда тип фонологической единицы выводится из узко понимаемой конститутивной функции, или, точнее, функции потенциального выразителя смысла, и ставится в прямую зависимость от минимального о б ъ е м а морфемы в отрыве от е е з н а ч е н и я и соотношения с другими значащими единицами языка; при этом не учитывается степень автономности звуковых единиц по отношению к морфеме, равно как и степень автономности значащих единиц разного ранга относительно друг друга. Соответственно языки разделяются на слоговые и неслоговые, что соотносится, хотя и не вполне совпадает, с делением их на изолирующие и неизолирующие. В слоговых языках морфема не бывает «мень-

ше» слога, и фонологической единицей — если не единственной, то основной — считается силлабема (слогофонема). В неслоговых языках морфема (морф) может быть экспонирована и неслововым элементом (согласным), вследствие чего в качестве фонологической единицы принимается звукофонема, или просто «фонема». Правомерность такого разграничения не бесспорна и действительно оспаривается (например, М. К. Румянцевым). Но и противники, и сторонники разграничения силлабем и фонем не затрагивают причин указанных расхождений в звуковой форме морфем.

1.3. В этих расхождениях есть две стороны, требующие объяснения. Одна — количественная — касается минимального объема морфем: почему в одних языках он больше, чем в других? Другая — качественная — относится к форме морфем: почему в изолирующих языках морфема обязательно имеет слоговую форму, т. е. должна быть произносимой? Чтобы ответить на первый вопрос, необходимо учесть функционально-семантические свойства самих морфем как значащих единиц. Для ответа на второй вопрос следует, кроме того, принять во внимание соотношение морфемы со словом и предложением.

2.1. Обычно, когда фонологи говорят о способности или неспособности выделяемых звуковых единиц служить потенциальным выразителем смысла и самостоятельно экспонировать морфему, речь идет о «морфеме вообще», безотносительно к ее типу и значению. В результате упускается из виду самая существенная характеристика морфемы как минимальной значащей единицы языка — ее значение — и учитывается только признак минимальности. Между тем, если распространить ономасиологический подход (от значения к средствам выражения) на фонологический анализ, то нетрудно заметить, что экспонируемые слогом морфемы изолирующих языков в подавляющем большинстве либо являлись знаменательными, либо совмещают знаменательную функцию со служебной; в неслоговых же языках морфемы, экспонируемые фонемой, напротив, обычно принадлежат к служебным. Таким образом, за различием в минимальном объеме морфем стоит расхождение в их типе и значении. А это значит, что при определении фонологических единиц знаменательные морфемы одних языков фактически приравниваются к служебным морфемам других языков. Тем самым нарушается принцип соизмеримости языков, требующий использования общих мер, или единиц измерения, в типологическом исследовании [3, с. 105—121].

2.2. Если же, следуя принципу соизмеримости, принять ономасиологический подход и сопоставить знаменательные морфемы слоговых и неслоговых языков, то можно обнаружить, что и в тех и в других одно-сегментные знаменательные морфемы либо крайне редки, либо вообще отсутствуют. Разница лишь в том, что в слоговых языках такие морфемы могут быть экспонированы только гласным, а в неслоговых — и гласным, и согласным. Как правило же, несмотря на возможные межъязыковые различия в звуковой форме, знаменательные морфемы включают не одну сегментную единицу, а несколько. Это закономерность универсального порядка. Она проявляется независимо от наличия или отсутствия в языке собственно служебных морфем и объясняется функционально. Для осуществления номинативной функции, для выражения неисчислимого множества лексических значений, основными носителями которых выступают знаменательные морфемы, необходимо максимально использовать наличные звуковые средства — как в плане парадигматики, так и в плане синтагматики. Поэтому в знаменательных морфемах используется весь набор сегментных единиц и их комбинаторные возможности реализуются

полнее, чем в служебных морфемах. Для передачи более или менее узкого круга грамматических значений, особенно реляционных, обычно требуется меньше звуковых средств. Поэтому набор сегментных единиц (фонем), употребляемых в служебных морфемах, может быть ограничен, а сами служебные морфемы обычно короче знаменательных и нередко экспонируются одной фонемой.

3.1. Если большая длина знаменательных морфем по сравнению со служебными — закономерность универсальная, то слоговая или неслоговая форма знаменательных морфем — примета типологическая, отражающая их соотношенность со словом и предложением. Слог — это прежде всего произносительная и, следовательно, речевая единица. Однако единство языка и речи проявляется уже в том, что язык имеет линейный характер, который «...исключает возможность произнесения двух элементов одновременно» [4, с. 155]. Вследствие линейности языка синтагматика звуковых единиц изначально ориентирована на произносимость. В этом смысле слог приобретает языковой статус и может быть признан одной из рамочных единиц распределения и сочетаемости фонем, хотя и вторичной по отношению к значащим единицам.

Свойство произносимости, предполагающее слоговость, а также просодическую самостоятельность, — непрменный атрибут предложения-высказывания как высшей единицы языка/речи и синтагмы (в щербовском смысле) как наименьшей значащей единицы высказывания, представляющей собой семантико-синтаксическое и фонетическое целое.

3.2. Слоговая или неслоговая форма значащих единиц низших рангов зависит от их свободы/связанности, в свою очередь сопряженной со степенью знаменательности. Слоговая форма обязательна для семантически самостоятельных единиц, способных непосредственно либо опосредованно служить экспонентом синтагмы и/или предложения-высказывания. Таковы прежде всего полнозначные слова, которые являются «основными дискретными единицами языка», — и потому, что «только употребление полнозначных слов связано с осознанием их смысла» [5, с. 114—115], и потому, что именно полнозначное слово как «синтаксический атом» может непосредственно составить потенциальный минимум синтагмы/высказывания. Таковы, далее, знаменательные морфемы, способные экспонировать полнозначное слово и — через посредство слова — предложение-высказывание.

Насколько регулярно знаменательные морфемы имеют слоговую форму в том или ином языке, в той или иной части речи, зависит от степени связанности морфем, от господствующего типа словоформы — коллекционного или селекционного (по Г. П. Мельникову), а значит, и от степени грамматичности языка и отдельных частей речи. Если знаменательная морфема только «временно» соединяется с другой знаменательной или служебной морфемой и может употребляться самостоятельно, как, например, в классических агглютинативных и изолирующих языках, то она должна быть слоговой. Если же знаменательная морфема постоянно выступает в связанном виде, в соединении со служебными морфемами и не употребляется самостоятельно в качестве фразового слова, то слоговая форма для нее совсем не обязательна. Не случайно в семитских языках, характеризующихся самым высоким индексом грамматичности [6, с. 321], знаменательные корни имеют обычно неслоговую форму, чаще всего трехсогласную.

3.3. Еще менее обязательна слоговая форма для семантически ущербных слов и морфем, неспособных непосредственно или опосредованно

составить потенциальный минимум высказывания. Таковы в первую очередь служебные морфемы, употребляющиеся только в связанном виде. (В противном случае, как показывает пример отделяемых приставок в немецком языке, и служебные морфемы должны быть слоговыми.) Таковы, наконец, служебные слова, в особенности если они не являются формально автономными. (Значимость последнего фактора подтверждается на материале русского языка обязательностью слоговой формы для союзов, но не для предлогов, среди которых имеются и неслоговые.)

3.4. В случае поливалентности значащей единицы (если она функционирует то как служебная и синтаксически несамостоятельная, то как знаменательная и синтаксически самостоятельная) слоговая форма обязательна. Иначе использование языковой единицы в знаменательной функции, в том числе в качестве потенциального минимума синтагмы/высказывания, станет невозможным. Если употребление значащих единиц то в одной, то в другой функции является правилом и морфемы, постоянно выступающие в связанном виде, либо редки, либо отсутствуют, слоговая форма оказывается обязательной для значащих единиц всех рангов и неслогообразующие сегментные единицы — согласные — не могут самостоятельно экспонировать морфему. Поэтому в изолирующих языках, где «все знаменательные и часть служебных морфем соотносимы с соответствующими словами» [7, с. 51] и способны к самостоятельному употреблению, морфемы всегда имеют слоговую форму.

3.5. Из сказанного ясно, что слоговость не есть общее свойство морфемы, присущее ей независимо от типа, значения и соотношения с двусторонними единицами более высоких рангов. Нет оснований утверждать, будто бы вообще «...морфема тяготеет к тому, чтобы совпасть со слогом» [8, с. 75]. Даже у знаменательных морфем, не говоря о служебных, такое тяготение вряд ли имеет место. Судя по семитским языкам, слоговость вовсе не обязательна для знаменательного корня, как не обязательно и вхождение сегментов корня в один слог. Если же знаменательный корень имеет слоговую форму, то в зависимости от числа сегментных единиц в данном языке и наличия/отсутствия суперсегментных средств организации морфемы и слова он может включать и более одного слога. Для некоторых языков (австронезийских, банту) двусложность корня, а следовательно, и слогораздел внутри корня являются нормой. Наличие в корне одного слогообразующего элемента (гласного), как это чаще всего бывает в индоевропейских языках, еще не означает обязательного совпадения корневых границ со слоговыми. Корень может быть составной частью слога, а может и разделяться слоговой границей. Таким образом, независимо от наличия/отсутствия и числа гласных в знаменательном корне его компоненты могут входить в разные слоги.

Поскольку слоговость — это обязательное свойство синтаксически самостоятельных единиц (предложения-высказывания, синтагмы и — как минимум — полнозначного слова, но не морфемы), то регулярная слоговость морфемы в изолирующих языках служит признаком того, что она (морфема) активно выступает в качестве самостоятельного экспонента значащих единиц более высокого ранга, способных к отдельному употреблению.

4. О том же говорит постоянное совпадение границ смыслового и фонетического членения речи в изолирующих языках. В этом совпадении обычно усматривается действие «закона морфологической значимости слогаделения». Считается, что именно он «...предопределяет тот основной способ соединения неизменяемых морфем, который называется агглютина-

тивной техникой, техникой склеивания» [9, с. 35]. Действительно, поскольку компоненты слога характеризуются максимальной взаимосвязанностью и слитностью, наличие/отсутствие переразложения слогов на морфемных (морфных) стыках может служить одним из важных показателей фузионной или агглютинативной техники соединения морфем. Однако, говоря о «законе морфологической значимости слога деления», следует учесть, что в классических агглютинативных языках расхождение морфного стыка со слогоразделом вполне возможно. Так называемая «морфологическая значимость слога деления» есть примета лишь одного типа языков, использующих агглютинативную технику, а именно изолирующих языков. Соответственно причины действия данного закона надо искать в изоляции. Коль скоро изоляция — это синтаксическая характеристика [9, с. 156—158], то и постоянное совпадение слоговых границ с семантическими в изолирующих языках должно быть отнесено за счет синтаксических свойств значащих единиц, тем более что, по данным типологического анализа, совмещение слоговых и семантических границ обязательно прежде всего для синтаксически самостоятельных единиц. Чем выше ранг значащей единицы, тем обязательнее совпадение ее границ со слоговыми [10, с. 322—325]. Следовательно, слога деление в первую очередь синтактизировано и лишь затем может быть морфологизовано. Так как выраженность синтаксических отношений внутри слова в изолирующих языках не препятствует переразложению слогов на стыке слов, можно полагать, что в изолирующих языках именно невыраженность синтаксических связей в самом слове требует стабильности словесных границ в целях сохранения отдельности слова. Устойчивость слоговых границ в составе морфемных комплексов, видимо, объясняется регулярным употреблением их компонентов то слитно, то раздельно [9], вследствие чего границы морфем в изолирующих языках — это, как правило, границы потенциальных слов. Их постоянство поддерживается также просодической самостоятельностью компонентов комплекса и выработавшимся противоположением начальнокорневых эксплозивных согласных конечнокорневым имплозивным, если последние вообще имеются в данном языке. ;

5.1. С изложенных здесь позиций тон и дистрибуция сегментных единиц в слоговых языках не могут рассматриваться как свойство слога. (Понимание тона как характеристики слога закреплено, в частности, в терминах «тонируемый слог», «слоговой акцент».) И тон, и невозможность перемещения слоговых границ (впрочем, не абсолютная), и более или менее жесткие ограничения в распределении сегментных единиц характеризуют не слог как таковой, а слог как означающее морфемы. Причем это такая морфема, которая, в свою очередь, служит или может служить экспонентом знаменательного слова и в этом качестве способна к самостоятельному синтаксическому употреблению. Поэтому распространенное противопоставление слоговых языков неслоговым с точки зрения структуры слога и степени его стабильности представляется некорректным. Слог в слоговых языках и слог в неслоговых языках — единицы несопоставимые. В слоговых языках слог непосредственно соотнесен со значащими единицами ввиду отношений эквивалентности между слогом и морфемой, слогом и простым словом, а через слово благодаря его потенциальной изолируемости слог оказывается соотнесенным с высказыванием. В неслоговых языках слог не соотнесен непосредственно со значащими единицами. Так, в русском языке морфема может быть нулевой, неслоговой, односложной и многосложной. Слог может включать в себя один

или два сегмента морфа и от одного до четырех морфов, вследствие чего в слоге может проходить от одного до трех морфных стыков.

Так как слог слоговых языков в большинстве своем является непосредственным означающим знаменательной морфемы, он сопоставим скорее всего с означающим аналогичной морфемы неслоговых языков. При таком сопоставлении обнаруживается, что в слоговых и неслоговых языках действуют сходные закономерности. И в тех и в других языках условием фонетической самостоятельности морфем является их семантико-синтаксическая самостоятельность. Чем чаще знаменательная морфема совпадает со словом (словоформой), тем более самостоятельна она фонетически, что с очевидностью обнаруживается при словосложении. В составе сложного слова подобные морфемы сохраняют свои суперсегментные характеристики (тон, ударение, сингармонизм) и слоговое строение и претерпевают мену фонем по типу внешнего, а не внутреннего сандхи. В случае ослабления знаменательности в результате грамматикализации одного из компонентов сложного слова он подвергается и фонетическому ослаблению, в том числе в плане суперсегментной и слоговой организации. Тенденции такого рода отмечены как в изолирующих языках, так и в языках флективного и агглютинативного строя.

5.2. Жесткая взаимосвязанность слоговых и морфных границ в слоговых языках определяется, таким образом, функционально-семантическими свойствами морфем, их лексичностью и характером конститутивных отношений между морфемой и словом, их потенциальной эквивалентностью ввиду способности знаменательной морфемы служить самостоятельным экспонентом слова. Отсутствие столь же жесткой корреляции между слогом и морфемой в неслоговых языках не означает абсолютной несвязанности между слоговым и морфным членением и не свидетельствует о несемантизованности слогораздела. Еще Бодуэн заметил, что «...совпадение или несовпадение морфологических единиц с фонетическими единицами второй степени (слогами)..., повторяясь в целом ряде слов..., постоянно ассоциируется с представлением определенных форм и становится по необходимости морфологической чертой» [11, с. 166]. В одном и том же языке разные типы морфных стыков по-разному соотносятся со слоговыми границами, так как техника соединения и варьирование морфем зависят от их значения, положения в слове, от того, присоединяются ли они к основе или к цельнооформленному слову. Например, в русском языке в соответствии с агглютинативным характером префиксов и фузионным характером флексий совпадение морфо- и слогоделения наиболее вероятно на стыке префикса с корнем и крайне редко на стыке корня или суффикса с флексией. «Серединные» стыки — стык корня с суффиксом и особенно стык суффикса с суффиксом — допускают большую свободу. В частности, на стыке суффиксов друг с другом равновероятно как совпадение, так и несовпадение слоговых и морфных границ [12].

5.3. Влияние морфологического строя и, в частности, конститутивных отношений между морфемой и словом на распределение сегментных единиц в структуре слога-морфемы в слоговых языках становится очевидным при сопоставлении простых односложных слов одинакового слогового строения CVC в таких разнотипных языках, как русский, турецкий и вьетнамский. «Специфика отдельных фонетических позиций в плане функционирования сегментных единиц (прежде всего согласных) определяется соотношением морфемы и слова. В любой своей форме слово выступает как „определенный тип связи морфем“ (В. М. Солнцев). С соответствием с этим в консонантной структуре простого слова разграни-

чиваются внутрисловесные/внутриморфемные позиции, позиции потенциального межморфемного стыка и позиции потенциального межсловесного стыка» [13, с. 28—29]. В русском языке благодаря развитой предкорневой и посткорневой аффиксации оба согласных в словах структуры CVC выступают в позиции потенциального межморфемного стыка и являются потенциально срединными. В суффигирующем турецком начальный согласный находится в позиции потенциального межсловесного стыка, конечный — в позиции потенциального межморфемного стыка и, следовательно, начало слова противопоставляется не собственно конечной, а потенциально срединной позиции. В изолирующем вьетнамском оба согласных занимают позиции потенциального межсловесного стыка и, таким образом, в полной мере осуществляется разграничение начала и конца слова. В соответствии с этим в русском языке согласные в словах данной структуры связаны отношениями существенной положительной корреляции ($r = +0,772$). В турецком ($r = -0,030$) и вьетнамском ($r = -0,463$) подобная корреляция не обнаруживается. При этом во вьетнамском языке в отличие от турецкого намечается отрицательная корреляция между согласными, разрешенными в инициальном и финальном положениях (отрицательное значение r довольно близко к критическому). Как видно, степень дифференциации позиций определяется морфологической структурой слова, наличием или отсутствием предкорневой и посткорневой аффиксации. Дистрибутивные закономерности, приписываемые слогу в слоговых языках, связаны со значащими единицами языка. За особыми свойствами вьетнамского слога стоит морфологический строй языка.

5.4. Если при определении базовых единиц языка принимать во внимание их звуковую организацию, то, учитывая слоговую форму, соотношение слоговых границ с семантическими и характер дифференциации последних в составе значащих единиц, базовой единицей изолирующих языков следует признать не морфему, а слово. И сами эти языки нельзя считать «по природе несловесными» [14, с. 145]. Напротив, это языки по преимуществу «лексические» или даже «ультралексические» [4, с. 165—166], «в высшей степени „словесные“» [7, с. 51].

6.1. Указанная зависимость звуковой формы морфем от их значения и соотношения с остальными значащими единицами убедительно подтверждается данными квантитативно-типологического анализа 11 языков различных типов: вьетнамского, индонезийского, турецкого, монгольского, маньчжурского, японского, телугу, хинди, урду, таджикского и арабского. За основу были взяты художественные тексты и вычисленные по ним типологические индексы, которые представлены в коллективной монографии [6]. Были учтены наиболее важные, как показал С. Е. Яхонтов [6, с. 305—323], индексы лексичности, агглютинации, аналитичности, примыкания, управления и словоизменения. Кроме того, были дополнительно высчитаны индексы, показывающие частоту морфем, экспонированных фонемой, частоту морфем, экспонированных слогом, частоту морфемных стыков, проходящих внутри слога¹, а также модифицированный индекс синтеза, который определялся как отношение числа морфем к числу знаменательных слов. Затем языки были ранжированы в порядке убывания

¹ Последние три индекса можно назвать морфонологическими. Ввиду спорности слогоделения при наличии в слове интервокальных консонантных сочетаний, морфемные стыки между согласными сочетаниями и перед ним не учитывались и подсчитывались только стыки между согласным и гласным, а также между гласным и конечным согласным.

численных значений индексов, и на этой основе выведены коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между анализируемыми индексами.

6.2. Согласно полученным данным, по характеру корреляции друг с другом грамматические индексы четко разделяются на две группы. Хорошая корреляция ($r = 1,0 \dots 0,7$) связывает, с одной стороны, индексы лексичности, синтеза и агглютинации, а с другой — индексы словоизменения, аналитичности, примыкания и управления. Первая группа индексов включает морфологические характеристики, вторая — синтаксические, указывающие на способ выражения и тип синтаксических отношений. Эти две группы не независимы друг от друга, но межгрупповые корреляции слабее внутригрупповых. Средняя существенная корреляция ($r = 0,7 \dots 0,5$) связывает индексы лексичности и синтеза с индексами примыкания и словоизменения, причем между индексами лексичности и примыкания, синтеза и словоизменения имеет место положительная корреляция, между индексами лексичности и словоизменения, синтеза и примыкания — отрицательная. Наиболее регулярны грамматические характеристики языков с выраженными изолирующими тенденциями — индонезийского и особенно вьетнамского. Они имеют самые высокие среди рассматриваемых языков индексы лексичности, агглютинации, примыкания, аналитичности и самые низкие индексы синтеза, словоизменения и управления. На другом полюсе единообразия меньше, и вьетнамскому и индонезийскому противостоит то арабский (самые высокие индексы синтеза и словоизменения, самый низкий индекс лексичности), то турецкий (самые низкие индексы примыкания и аналитичности), то хинди и урду (самый низкий индекс агглютинации), то японский (самый высокий индекс управления).

6.3.1. При ранжировании языков по частоте однофонемных морфов и частоте морфных стыков внутри слога на одном полюсе оказываются урду, хинди и арабский, на другом — вьетнамский и индонезийский. Данные индексы образуют хорошую или среднюю существенную корреляцию с индексами первой группы, малую ($r = 0,5 \dots 0,2$) — с индексами примыкания и словоизменения, низкую ($r = 0,2 \dots 0,0$) — с индексами управления и аналитичности.

В этой градации, как и в соотношении отдельных морфологических индексов с морфонологическими, можно заметить определенную закономерность. Так как основная функция звуковых единиц состоит в выражении языковых значений путем конституирования морфем различных типов, то на первое место по степени влияния на морфонологические характеристики естественно выдвигаются морфологические показатели, а среди них — соотношение в тексте знаменательных и служебных морфов. Поскольку же фонема конституирует морфему как составную часть слова, то частота однофонемных морфов и соотношение морфоделения со слогоделением оказываются связанными с функционально-семантическими и грамматическими свойствами слова, включая общую сложность его морфемного строения и технику соединения морфем. Особенно высока степень корреляции морфонологических индексов — частоты однофонемных морфов и частоты морфных стыков внутри слога — с индексами лексичности и агглютинации, ниже — степень их корреляции с индексами синтеза. Очевидно, качественные характеристики, прямо или косвенно связанные с планом содержания, а именно значение и способ связи морфем как элементов содержания, играют большую роль, чем количественный показатель степени сложности морфемного строения слова.

6.3.2. Чем ниже индекс лексичности и, значит, выше индекс грамматичности, тем выше индекс синтеза и ниже индекс агглютинации. С увеличением индекса грамматичности возрастает частота однофонемных морфов, поскольку таковыми могут быть по преимуществу носители грамматических значений. Соответственно во вьетнамском и индонезийском языках при минимальной величине индекса синтеза и максимальных значениях индексов агглютинации и лексичности однофонемные морфы отсутствуют, тогда как в хинди, урду и арабском — в языках с наиболее низкими значениями индексов лексичности и агглютинации, а значит, и самыми высокими индексами грамматичности и фюзии — практически каждый второй морф экспонирован одной фонемой. Так как по сравнению с согласными гласные экспонируют служебные морфы обычно чаще (единственное исключение из числа исследованных языков составляет монгольский), то и коэффициент корреляции индекса грамматичности с частотой однофонемных морфов, выраженных гласными, несколько выше (+0,918 для гласных, +0,814 для согласных).

6.3.3. С повышением частоты однофонемных морфов изменяется соотношение морфоделения со слогоделением, так что согласный и гласный компоненты слога все чаще разделяются морфным швом. Чем выше индекс лексичности и агглютинации, тем реже морфный шов проходит внутри слога. Во вьетнамском такие случаи вообще отсутствуют. В индонезийском, а также маньчжурском и японском они довольно редки. По мере роста индексов грамматичности и фюзии морфоделение все чаще расходится со слогоделением. В арабском, хинди и урду две трети и даже более морфных стыков не совпадают со слогоразделом. То обстоятельство, что общая частота морфных стыков, проходящих внутри слога, в наибольшей степени коррелирует с индексом агглютинации, позволяет считать соотношение морфо- и слогоделения существенным проявлением преобладающей в данном языке техники соединения морфем. В то же время достаточно высокая степень корреляции частоты морфных стыков внутри слога со всеми анализируемыми морфологическими индексами может служить еще одним аргументом в пользу той точки зрения, что соотношение морфо- и слогоделения морфологизовано не только в случае их совпадения, как в изолирующих языках.

6.3.4. В отличие от частоты однофонемных морфов и вероятности морфных стыков внутри слога частота морфов, совпадающих в своих границах со слогом, не обнаруживает существенной корреляции ни с одним из морфологических индексов. Максимальное число морфов-слов (96,5%) представлено во вьетнамском. В два с лишним раза меньше их в маньчжурском и японском, в 4—5 раз меньше в телугу, хинди, урду, арабском и индонезийском (от 23 до 17%). Совсем редки морфы-слоги в турецком, таджикском и монгольском (от 12 до 7%).

6.3.5. Однако если вычислить разницу между частотой морфов-слов и частотой однофонемных морфов и выстроить языки так, чтобы самый высокий (первый) ранг получил язык, в котором наблюдается наиболее значительное преобладание односложных морфов над однофонемными, а самый низкий (последний) ранг — язык, в котором отмечен наибольший перевес однофонемных морфов над односложными, то порядок следования языков существенно изменится. Высшие ранги в этом случае займут наряду с вьетнамским маньчжурский, японский и индонезийский языки, в которых морф чаще бывает экспонирован слогом, а однофонемные морфы или исключены, или редки. В турецком, а также в телугу число тех и других морфов практически одинаково. В остальных языках,

особенно в арабском, хинди и урду, преобладают однофонемные морфы. В целом, таким образом, обнаруживается хорошая положительная корреляция с индексами лексичности и агглютинации и средняя существенная отрицательная корреляция с индексами синтеза.

6.3.6. В грамматических языках (языках с развитой морфологией) влияние семантического фактора на план выражения морфем отчетливо выявляется в звуковых различиях между разными типами морфем — как в целом, так и в зависимости от принадлежности к определенной части речи. Например, в русском языке совпадение морфа со слогом чаще встречается у префикса и корня как более лексичных морфем, совпадение же морфа с фонемой — у суффикса и флексии как более грамматичных. Эти общие для русского слова тенденции могут по-разному преломляться в существительных и глаголах в соответствии с различиями в функционально-семантических свойствах однотипных морфем. Так, семантически более насыщенные сравнительно с именными глагольные префиксы обнаруживают и большую фонетическую самостоятельность, чаще совпадая со слогом. При меньшей синтаксической самостоятельности глагольного корня сравнительно с именным ограничение на употребление однофонемных корневых морфов у глаголов оказывается не таким строгим, как у существительных. Отличаясь широтой и отвлеченностью значения, глагольные суффиксы намного чаще представлены однофонемными морфами, чем в тенденции более конкретные суффиксы имен существительных [15, с. 24—26].

7.1. Таким образом, ономаσιологический анализ соотношения звуковых и значащих единиц свидетельствует о дифференцированном использовании звуковых средств для выражения различных типов языковых значений. Отсюда типологические расхождения в минимальном объеме морфем, а значит, и неодинаковая степень автономности отдельных видов морфем по отношению к своим экспонентам — фонеме и слогу.

Наличие морфем и слов, экспонированных слогом или фонемой, в свою очередь ограничивает автономность звуковых единиц относительно значащих. Это обстоятельство обычно не учитывается фонологами, а между тем, как указывает Л. Р. Зиндер, звуковая единица может считаться самостоятельной языковой единицей, автономной по отношению к морфеме или слову, только благодаря тем случаям ее употребления, когда она «... не является звуковым обликом ни слова, ни морфемы и не имеет никакой морфологической функции, т. е. когда она представляет собой чисто фонологическую единицу... только тогда, когда звук речи выделяется именно как элемент плана выражения языкового знака, о нем можно говорить как об особой единице — фонеме, отличной от слова или морфемы» [16, с. 38—39].

7.2. Если с этих позиций, т. е. руководствуясь семасиологическим подходом (от средств выражения к значению), сравнить «силлабему» слоговых языков и фонему неслоговых языков, то указанные единицы вновь окажутся несоизмеримыми. Степень автономности фонемы и слога по отношению к морфеме обратно пропорциональна доле фонем и слогов, которые служат самостоятельными экспонентами морфем (морфов). В слоговых языках степень автономности слога по отношению к морфеме чрезвычайно низка. Как показал анализ вьетнамских текстов, примерно 90% слогов самостоятельно экспонируют морфемы и только 10% являются автономными. В неслоговых языках возможно противоположное соотношение. Например, в маратхи самостоятельными экспо-

нентами морфов — в зависимости от функционально-стилистической характеристики текста — выступают 11—16% слогов, в русском — 13—31% [17, с. 30, 46], в арабском — 18—22%. Доля фонем, самостоятельно экспонирующих морф, в неслоговых языках никогда не составляет большинства. Даже в языках, отличающихся высоким индексом грамматичности, где каждый второй морф текста может быть экспонирован одной фонемой, доля таких фонем — при средней длине морфа в 2—3 фонемы — достигает не более 25% от общего числа фонем в тексте. По данным автора и ее учеников, в русском языке в качестве самостоятельных экспонентов морфов выступает 10—19% фонем в тексте, в маратхи — 19—24% [17, с. 205, 212], в арабском — 15—19%. В классических агглютинативных языках доля фонем, самостоятельно экспонирующих морфы, еще ниже. Например, в турецком языке она составляет всего 4%, в японском — 6%. С этими языками практически смыкаются изолирующие, в которых морфема, хотя и редко, может быть экспонирована одиночным гласным, но, как правило, в силу своей знаменательности она содержит более одной сегментной единицы, так что автономность последних оказывается максимальной.

Учитывая указанные расхождения в степени автономности слога и его составляющих по отношению к морфеме, изолирующие языки должны быть признаны по природе своей звукофонемными. Их отличие от неизолирующих языков в этом плане может состоять только в большей автономности фонемы по отношению к морфеме ввиду высокой лексичности языка и отсутствия или ограниченности собственно служебных морфем и соответственно в затрудненной вычленяемости фонем. Иными словами, будучи «в высшей степени словесными», изолирующие языки именно поэтому являются также в высшей степени звукофонемными и в минимальной степени силлабемными. В несоотнесенности фонем со значащими единицами определенного типа, в практическом отсутствии фонем, самостоятельно экспонирующих морфему и слово, отчетливо обнаруживается более высокая степень произвольности знака в «лексических» изолирующих языках сравнительно с «грамматическими» неизолирующими [4, с. 165—166].

7.3. Хотя в целом — по отношению к «морфеме вообще» — фонема более или менее автономна во всех языках, однако ввиду указанной нетождественности в звуковой организации разных типов морфем степень автономности фонем существенно расходится в зависимости от лексичности / грамматичности экспонируемых единиц. Фонема вполне автономна по отношению к знаменательным морфемам. С ослаблением лексичности и усилением грамматичности морфем фонемы становятся все менее автономными и могут не обладать этим свойством, если данный тип служебных морфем всегда или в большинстве случаев экспонируется одной фонемой. Таковы, согласно статистическим подсчетам, фонемы, экспонирующие флексии в маратхи [17, с. 212] и в арабском.

Степень автономности фонемы по отношению к морфеме тесно связана также с функционально-семантическими свойствами слова. По данным русского языка, в именах существительных как носителях номинативной функции (и потому более лексичных) степень автономности фонемы по отношению к морфеме выше, чем в глаголах — носителях предикативной функции. Доля фонем, выступающих экспонентами морфов, составляет у существительных около 14%, а у глаголов — примерно 32% от общего числа фонем. В соответствии с различиями в степени знаменательности корня фонема максимально автономна по отношению к субстантивному

корню, ниже ее автономность по отношению к глагольному корню, еще ниже — по отношению к местоименному корню [15, с. 27—29].

По степени автономности фонем в составе служебных слов можно судить о том, в какой мере они «отмежевались» от знаменательных слов в данном языке. В русском языке, например, служебные слова по степени автономности фонем в их составе сближаются со служебными морфемами и, подобно последним, могут быть экспонированы и согласным, и гласным. В маратхи служебные слова ближе к знаменательным и, как и знаменательные корни, не могут быть экспонированы одиночным гласным [17, с. 53, 205, 212].

7.4. Связь между степенью автономности фонем и соотношением в языке грамматического и лексического проявляется также в неодинаковой автономности разных классов фонем, в первую очередь согласных и гласных. Поскольку однофонемную структуру имеют почти исключительно служебные морфемы, экспонентами которых чаще бывают гласные, последние уступают согласным по степени автономности. По результатам анализа русского художественного текста, особенно велико различие в автономности согласных и гласных в имени существительном как менее грамматичной части речи. Здесь экспонентами морфем выступают 28,4% гласных и только 3% согласных. В глаголе в силу большей его грамматичности и фузионности автономность согласных и гласных, равно как и противопоставленность их друг другу в этом плане, ослабевает: самостоятельными экспонентами морфем служат 40,9% гласных и 25,9% согласных. Ввиду предпочтительной закрепленности согласных за выражением лексических значений, а гласных — за передачей грамматической информации, падение автономности фонем в составе знаменательных корней сопряжено с согласными, в составе флексий — в основном с гласными. Снижение автономности согласных в составе аффиксов, как правило, указывает на относительно высокий семантический вес этих морфем [15, с. 27—30].

7.5. Значимость иерархических отношений между фонемой и морфемой, неодинаковая нагрузка классов фонем в конституировании разных типов морфем и тем самым в выражении языковых значений явственно прослеживается в поморфемном распределении отдельных фонем и фонемных классов и соответственно в их парадигматике.

Как известно, иерархия членов фонематических противопоставлений, и, в частности, разграничение немаркированных и маркированных фонем, рассматривается обычно или как результат фонологически обусловленной нейтрализации, или как следствие «естественности» / «неестественности» сочетания определенных различительных признаков. Одним из выражений неравнозначности членов фонематических противопоставлений считается меньшая частота употребления маркированного члена сравнительно с немаркированным. При этом учитывается общая частота встречаемости фонем в тексте и совершенно не обращается внимание на то, как распределяются они по морфемам. Между тем пробные подсчеты, выполненные автором на материале рассказа М. М. Пришвина «Говорящий грач», показали, что существует согласованность между характеристиками фонем и морфем в отношении маркированности. Степень маркированности отражает стратификацию противопоставлений на фонологическом и морфологическом уровне, первичность одних фонем и морфем, вторичность других. Чем выше степень маркированности фонем, тем более ограничена их встречаемость в маркированных (служебных) морфемах. В частности, в русском языке среди фонем, участвующих

одновременно в противопоставлениях по глухости-звонкости и твердости-мягкости, самой широкой поморфемной дистрибуцией характеризуются немаркированные твердые глухие согласные (они представлены во всех типах морфем), самой узкой — дважды маркированные мягкие звонкие согласные, встретившиеся только в знаменательных корнях, т. е. в немаркированных, первичных морфемах.

8.1. Действие межуровневых связей и, в частности, ограниченная автономность звуковых единиц по отношению к значащим достаточно регулярно выявляются и в речевой деятельности.

Согласно экспериментальным данным, полученным М. В. Баде на материале двух неслоговых языков — русского и маратхи [17], восприятие речи отражает взаимодействие фонетического членения речи с морфологическим и тесно связано с соотношением в языке лексического и грамматического.

В частности, восприятие слога [17, с. 55—72] определяется тем, как он соотносится со значащими единицами. Благодаря большей семантической и синтаксической самостоятельности слоги-слова опознаются лучше, чем «связанные» слоги, экспонирующие морфы и их сегменты. Вследствие соотношенности слога деления с членением речи на словоформы и морфы опознаемость слога зависит от соотношения его границ со словесными и морфными. Словесные границы сравнительно с морфными сильнее влияют на опознаемость слогов. При этом начальные слоги характеризуются самой высокой опознаваемостью (что подтверждается также данными работы [18, с. 6—10]), а конечные лучше опознаются тогда, когда слогораздел совпадает с морфным стыком. Кроме того, на опознание слога воздействует то обстоятельство, проходит ли внутри него морфный стык и какой именно. Причем для носителей русского языка существенно и то, сколько морфных швов пересекает слог — один или два. При отсутствии морфного шва слог опознается лучше всего. Если в слогe имеется один морфный шов, а тем более два, опознаемость снижается. Необходимо подчеркнуть, что указанные зависимости проявляются тем определеннее, чем четче разграничены в данном языке и в данном функциональном стиле лексическое и грамматическое, чем ближе словоформы к селекционному типу.

8.2. Весьма многообразно проявляется в восприятии речи соотношенность фонемы с морфемой. Во-первых, средняя опознаваемость фонем в различных типах морфем не совпадает. Так, в русском языке фонемы лучше всего опознаны в корнях, а среди аффиксов более высокой опознаваемостью фонем характеризуются словообразовательные морфы, самая низкая опознаваемость фонем отмечена во флексиях [17, с. 80—107]. Очевидно, чем выше частота повторяемости морфем (а она возрастает по мере увеличения их грамматичности), тем небрежнее их произношение и ниже опознаваемость экспонирующих фонем. Во-вторых, опознаваемость корневых согласных в морфонологически маркированных стыковых позициях зависит от техники соединения и степени связанности с соседним морфем, а значит, косвенно от его смыслового веса. В русском языке конечный согласный знаменательного корня в абсолютном исходе слова опознан лучше, чем перед аффиксом. В языке маратхи конечно-корневой согласный лучше всего опознан перед знаменательным морфем, хуже перед служебным словом-энклитикой и еще хуже перед аффиксом [17, с. 81—82, 110]. В-третьих, опознаваемость определенных классов фонем отражает степень их закрепленности за тем или иным типом морфем, за определенной позицией в составе данных морфем. Например,

в маратхи в соответствии с построением консонантной структуры слова по восходящей звучности [13, с. 8—9] глухие согласные (в первую очередь смычные) лучше опознаются в предкорневых служебных морфах и в начале знаменательного корня, а неглухие (прежде всего плавные) — в посткорневых служебных морфах и в середине и конце знаменательных морфов [17, с. 112, 116—117, 120—121]. В-четвертых, опознаваемость членов фонематического противопоставления зависит от того, морфологизовано ли оно и в какой степени. Члены морфологизованных противопоставлений (как, например, арабские гласные, русские твердые и мягкие согласные) слабее различаются по опознаваемости, нежели фонемы, морфологическая нагрузка которых либо ослаблена, либо вовсе отсутствует (таковы, в частности, гласные в русском языке и нефарингализованные и фарингализованные согласные в арабском). Большая морфологизация арабских гласных сравнительно с гласными индоевропейских языков приводит к тому, что при восприятии русской речи арабы в отличие от русских, испанцев, французов, англичан связывают опознание мягкости согласных не с гласным или *i*-образным переходом от согласного к гласному, а исключительно или преимущественно с качеством самого согласного [18, с. 18].

8.3. В свою очередь фонемная структура морфемы (морфа) несет на себе отпечаток слова, в котором она выступает, а сегментная организация слова характеризует его как синтаксическую и морфологическую единицу одновременно. Соответственно фонемное распознавание морфов зависит от длины и глубины словоформ, от модели их морфного строения и частеречной принадлежности, от степени морфемной и словообразовательной членимости слова, от того, насколько оно привычно и употребительно, а на фонемном распознавании слов отражается степень их синтаксической самостоятельности, сложность морфемного строения, степень разграничения служебных и знаменательных морфем в данном языке [17, с. 73—158].

9. Изложенные выше теоретические соображения и фактические данные позволяют заключить, что вследствие единства и целостности языковой системы вопрос о типе фонологических единиц не может быть решен вне связи звуковых единиц со значащими, без установления статуса и соотношения значащих единиц в языке данного типа, без определения степени автономности звуковых единиц по отношению к значащим и наоборот. Иначе говоря, выявление функциональных звуковых единиц требует синтеза ономаσιологического и семасиологического подходов. Как характеристика значащих единиц неполна без описания их звуковой организации, так и функциональная характеристика звуковых единиц невозможна безотносительно к конституируемым значащим единицам. Целостная типологическая характеристика языковой системы должна включать указание на способ связи звучания и значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодуэн де Куртене И. А.* Подробная программа лекций в 1876—77 учебном году // *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
2. *Бодуэн де Куртене И. А.* Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков // *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
3. Принципы описания языков мира. М., 1976.
4. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
5. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
6. Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.

7. Солнцев В. М. Морфема и слово // Языки Юго-Восточной Азии. Вопросы морфологии, фонетики и фонологии. М., 1970.
8. Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в ирландском языке // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
9. Солнцева И. В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
10. Вардуль И. Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977.
11. Бодуэн де Куртене И. А. О связи фонетических представлений с представлениями морфологическими, синтаксическими и семасиологическими // Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
12. Попова Е. Н. Соотношение слога и морфемы в имени и глаголе // Материалы XVIII научно-теоретической конференции молодых ученых и специалистов (филология). М., 1983. Деп. в ИНИОН АН СССР. 2. II. 84. № 15482.
13. Зубкова Л. Г. Сегментная организация простого слова в языках различных типов: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Л., 1978.
14. Milewski T. Предпосылки типологического языкознания // Z zagadnień językoznawstwa ogólnego i historycznego. Warszawa, 1969.
15. Зубкова Л. Г. Части речи в фонетическом и морфологическом освещении. М., 1984.
16. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
17. Баде М. В. Соотношение морфологического и фонетического членения речи и ее восприятие: Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1986.
18. Гаданфар Ф. Х. Тембровые корреляции согласных в русском и арабском языках: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1985.